

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.11

Рассуждение об изменчивости и прогрессе в культуре

А. Я. ФЛИЕР

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМ. Д. С. ЛИХАЧЕВА

В статье анализируются факторы и формы проявления прогресса в культуре в той или иной связи с видом деятельности и господствующей идеологией, ее социальной и символической обусловленностью и степенью ее новационности. Новизна статьи заключается в том, что прогресс в культуре никогда еще не был предметом специального научного исследования и никогда еще научно не систематизировался. Актуальность статьи связана с постоянно ведущейся в науке дискуссией о том, может ли быть в культуре какой-либо прогресс и в чем он может заключаться.

В статье рассматриваются особенности культурного прогресса по сравнению с прогрессом в материально-производственной и социально-организационной деятельности. Проводится факторный анализ роли в культурном прогрессе непосредственной социальной и символической его обусловленности, а также опосредованной социальной и символической обусловленности. Эта проблема рассматривается на исторических примерах реформ Петра Великого, в которых активно и наглядно присутствовала как социальная, так и символическая обусловленность, и «идеологический поворот» в царствование Александра III, в котором имела место чисто символическая детерминация, не затрагивавшая основ государственной организации.

В заключении даются универсальные признаки культурного прогресса, заключающиеся в усложнении культуры как системы и расширении степеней ее свободы и независимости от государственной власти и господствующей идеологии.

Ключевые слова: культура; прогресс; деятельность; новация; традиция; системное усложнение; свобода; культурный прогресс

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «прогресс» имеет множество толкований и интерпретаций. В целом под *прогрессом* понимается восходящее движение от низшего к высшему, повышение и усложнение уровня организации и пр. (см. об этом, например: Северцов, 1939; Волков, 1976; Коротаев, 2003 и др.). Прогресс является одним из проявлений *культурной изменчивости*, но нужно не забывать, что изменчивость не сводится только к прогрессу. Я, будучи согласен с классическими определениями, в своем понимании прогресса делаю акцент именно на последовательном *усложнении системы*, что соответствует положениям теории эволюции (Спенсер, 1996). Также мое представ-

ление о прогрессе связано с таким вектором развития технологий и форм деятельности, а также принципов социальной организации, при котором последующие достижения или состояния являются более эффективными и качественными, чем предшествующие.

В чем проявляется *прогресс в культуре*? Для понимания этого проведем простейшую систематизацию сфер деятельности:

— в материально-производственной деятельности прогресс, как правило, имеет *научно-технический* характер (последовательное усовершенствование технологий производства и качества производимых продуктов);

— в социально-организационной деятельности прогресс обычно имеет *структурный* характер (усовершенствование форм социальной организации людей);

— в сфере умственной деятельности, а также в социально-поведенческой и социально-коммуникативной областях наблюдается преимущественно *культурный прогресс* (совершенствование технологий и результатов интеллектуального осмысления и анализа наблюдаемой или воображаемой действительности, ее описания/изображения, а также приемов межличностных отношений и коммуникаций, включая язык и письменность).

Конечно, это структурирование не следует абсолютизировать. В реалиях человеческого существования (а тем более в культуре) это все имеет размытые границы. Например, к культуре обычно относят такие продукты материально-производственной деятельности, как одежда, символы власти, украшения, награды, религиозные атрибуты и другие предметы, отличающиеся повышенной символикой своих форм. Пограничными между материально-производственной деятельностью и культурой являются архитектура и дизайн. Пограничными между социально-организационной сферой и культурой являются право, политические теории, идеология и т. п.

Но в основном культура и прогресс в ней связаны все-таки с умственной сферой, с осмыслением и изображением действительности или продуктов сознания человека, а также с межличностным взаимодействием и обменом информацией. Чисто статистически эта область человеческой активности в культуре преобладает. Применительно к материально-производственной и социально-организационной деятельности культурный прогресс выражается в том, что все произведенные продукты и достигнутые результаты получают отражение в общественном сознании и тем или иным образом оцениваются, что может иметь прогрессивную или консервативную интенцию.

ПРОГРЕСС КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Следует отметить, что всякая человеческая деятельность имеет как социальную, так и символическую обусловленность/детерминированность. Это принципиально отличает ее от жизнедеятельности животных. Вопрос о большей или меньшей обусловленности не ставится, поскольку мы не имеем инструментария и алгоритма ее измерения. Поэтому корректней будет говорить о *непосредственной* обусловленности (наблюдаемой, самоочевидной) и *опосредованной* обусловленности (выявляемой только путем специального анализа).

Хронологически в первобытную эпоху практически вся деятельность людей была социально и символически детерминирована непосредственно. Опосредовано обусловленными были лишь какие-то маргинальные стороны коллективной жизни. Социальная обусловленность имела место в силу прямой витальной необходимости, а символическая — в рамках доминировавшего в ту эпоху мифоритуального сознания.

В аграрную эпоху деятельность священнослужителей и аристократии была в основном непосредственно обусловлена символически, а социально обусловлена опосредованно. А вот деятельность трудящегося населения (крестьян, рабов, ремесленников, домашней прислуги), наоборот, была непосредственно детерминирована социально, а опосредованно символически.

В индустриальную эпоху все перемешалось; и характер обусловленности той или иной деятельности стал ситуативным. Сегодня некая деятельность может быть социально непосредственно обусловлена, а символически — опосредованно, а завтра контекст этой деятельности может перемениться, и характер ее обусловленности может измениться тоже. От социального статуса исполнителя это уже не зависит.

Складывается впечатление, что прогресс в развитии той или иной формы деятельности чаще всего приходится на деятельность, непосредственно социально или символически детерминированную, а деятельность, опосредованно детерминированная — как социально, так и символически, чаще осуществляется в рамках привычной традиции. Причем непосредственная социальная обусловленность больше связана с прогрессом в технологиях, а символическая обусловленность — с прогрессом в формах продукции. Но, подчеркиваю, чаще — это не значит всегда.

Возникает вопрос: о каком прогрессе в первобытную эпоху может идти речь при том, что всякая деятельность людей была и социально, и символически непосредственно детерминирована? Но мы же не говорим о темпах этого прогресса и не сравниваем его с нашим временем. А прогресс был, хотя и шел он в крайне замедленном темпе. Но шаг за шагом люди осваивали новые технологии камнеобработки, затем работы с металлом, обработки земли, строительства и т. п., что и привело к прогрессу социально-организационному и культурному, о которых мы хорошо знаем из истории. Так возникли города, государства, цивилизации.

Означает ли это, что научно-технический (поначалу просто технологический) прогресс всегда предшествует социальному и культурному? Какой-либо фатальной зависимости я здесь не вижу. В истории по обстоятельствам общей ситуации было и предшествование материально-производственного и социально-организационного прогресса культурному, и одновременное протекание прогрессивных изменений во всех сферах жизни.

Так или иначе прогресс в культуре воплощается в порождении культурных новаций, т. е. новых технологий и форм. Почти 25 лет назад в своей докторской диссертации я исследовал алгоритм порождения культурных новаций (Флиер, 1995а; этот текст был опубликован в кн.: Флиер, 1995b). В предельно кратком изложении он выглядит так: «Генезис культурных форм можно структурировать на фазы инициирования новаций (“социальный заказ”, творческий поиск и т. п.); создания самих новых культурных форм; “конкурса” их функциональной и технологической эффективности, а также внедрения отобранных в ходе “конкурса” форм в социальную практику производства и интерпретирования. Некоторые формы, заимствуемые извне или “реактуализируемые” из культуры прошлого, сразу включаются в фазу “конкурсного отбора”» (Флиер, 2008).

Таким образом, речь идет о четырех фазах:

- инициирования новации в виде «социального заказа» на нее;
- создания самой новой формы (ее экспериментальных вариантов или проектов);
- «конкурса» вариантов новой формы;
- внедрения в социальный оборот отобранного образца.

Социальная и символическая обусловленность, конечно, присутствуют во всех фазах рождения новой формы/технологии, но наиболее очевидно их влияние в первой фазе, на этапе оформления «*социального заказа*» на новый культурный феномен. При этом социальная обусловленность может касаться как экономической, так и социально-организационной (политической), социально-коммуникативной и иных сфер, а символическая детерминация в основном концентрируется в сфере идеологического заказа на новое культурное явление. Рассмотрим это подробнее.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА

Социальная обусловленность прогрессивной динамики культуры связана с тем, что вся культура является социальным феноменом и обеспечивает коллективный характер жизнедеятельности и образа жизни людей (см. об этом: Флиер, 2017: Электронный ресурс). Отсюда любые проявления *культурной изменчивости* всегда социально обусловлены в прямом (непосредственном) или косвенном (опосредованном) виде.

Что-то изобретается самостоятельно, но многие наиболее значимые технические новации заимствуются менее развитыми обществами у более развитых. Предметом заимствования в древности были преимущественно более эффективное оружие и весь набор приемов военного дела, а начиная с промышленного переворота XIX в. — весь комплекс научно-технических новаций, новые изобретения в энергетике, транспорте, связи, информатике и пр. Во второй половине XX в. формы евро-американской демократии стали для всего мира эталоном социальной организации общества.

При этом нужно отметить, что социальная обусловленность порождения новых культурных форм/технологий может быть проявлена в разных сферах: политической, конфессиональной, этнической, социально-сословной, социально-профессиональной, экономической и иных. И как правило, все они (или большинство этих сфер) задействованы в качестве факторов влияния параллельно. Ведь всякий человек одновременно является гражданином какой-то страны, идентифицирует себя с каким-то этносом, является верующим какой-то религии или атеистом (это тоже вариант веры), относится к какому-то социальному сословию (культура которого для него доминантна), имеет определенную профессию (специализацию), является членом определенной семьи, соседом определенных людей, зрителем определенных фильмов или спектаклей и т. п. И все эти характеристики сочетаются в нем одновременно. То же самое можно сказать и о любой социальной группе, этносе, сословии и пр., хотя номенклатура этих характеристик у группы не тождественна характеристикам индивида. Но их множественность обычна и постоянна.

Отсюда и «социальный заказ» на культурную новацию, как правило, сочетает в себе множество компонент, актуальных для индивидуального или группового сознания заказчика. Впрочем, значимость этих компонент различна, а со временем может и меняться. Поэтому «социальный заказ» всегда многоаспектен, а его последствия могут быть еще глобальней. Другое дело, что создаваемая по этому заказу культурная новация может не полностью соответствовать многоаспектности заказа или такое соответствие частично скрыто от глаз наблюдателя. Но здесь уже многое зависит от того, как ее исследовать.

Рассмотрим конкретный исторический пример. Реформы Петра Великого отличались чрезвычайной многоаспектностью, затрагивая почти все стороны жизни в стра-

не. Вместе с тем все начиналось с замысла модернизации вооруженных сил страны и приведения их в соответствие с европейскими стандартами конца XVII — начала XVIII в. (см. об этом, например: Павленко, 1975; Соловьев, 1984; Брикнер, 2004 и др.). Это включало введение батальонной организации войск, перевооружение пехоты современными мушкетами, создание подвижной полевой артиллерии, отказ от доспехов в кавалерии и т. п. А также, конечно, требовалась замена малоэффективного и политически ненадежного стрелцкого войска и дворянского конного ополчения регулярной пехотой и драгунами, комплектовавшимися посредством рекрутского набора. Но решение этой вполне локальной задачи потребовало реформирования всей жизни в стране, перехода к новой политической организации государства (имперской), изменения административного деления страны, создания государственной военной и металлургической индустрии, организации новой системы специального образования, церковной реформы, смены всей дворянской культуры и пр., а главное — грандиозной перестройки сознания людей.

Этот пример показывает, насколько в социальной сфере все взаимосвязано, и прогресс в одном сегменте неизбежно ведет к перестройке во многих иных сегментах социальной жизни. Конечно, далеко не все прогрессивные реформы имели такие масштабные последствия, как реформы Петра Великого, но и при меньшем масштабе их последствия были так же *многоаспектными*.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

Символическая обусловленность культурного производства столь же древняя, как и социальная детерминация. В первобытную эпоху практически каждый акт деятельности человека был обусловлен как социально, так и символически, поскольку любая деятельность являлась и определенным ритуалом. В аграрную эпоху социальная и символическая детерминации разделились, причем символическая сосредоточилась в религии, которая в то время являлась и основной политической идеологией. В индустриальную эпоху политическая идеология выделилась в самостоятельный инструмент влияния на социальное сознание людей, играющий важную роль в регуляции их деятельности (Флиер, 2018).

Создание культурных новаций, детерминированных символически, может быть вызвано переменами в политической обстановке, становлением новых форм религиозного обряда и т. п., но чаще всего связано с появлением каких-то новых образов социальной престижности в стране, играющей роль культурного донора для группы окружающих стран. Известно, что для Западной Европы в XVI в. таким донором была Испания, в XVIII в. — Франция, в XX в. — США. Остальные страны региона охотно заимствовали у них моды на одежду, стилистику поведения и интерьеров и иные образы социальной престижности аристократии. Такое заимствование форм социальной престижности в регионах имело распространение не только в средневековой и новременной Западной Европе, но и в эллинистическом мире, римском мире (раx Romana), исламском мире, в зоне византийского культурного влияния, зоне китайского культурного влияния.

Символическая детерминация культурных изменений в основном концентрируется в сфере *«идеологического заказа»*. Идеология — это особая область, связывающая культуру и политическую власть и подчиняющая сознание людей актуальным теоретическим установкам власти по обеспечению социальной справедливости и политиче-

ского порядка в формах, угодных власти. «Идеологический заказ» также часто является основой масштабных культурных реформ (правда, не всегда прогрессивных).

В качестве примера рассмотрим «идеологический поворот» Александра III. Суть этого поворота заключалась в стилевом возврате государственно поддерживаемой культуры к внешним культурным формам допетровской России. Здесь нужно учитывать, что во всех сущностных проявлениях Российская империя оставалась такой же, как она сложилась в XVIII в., но ее европейский «костюмчик» был заменен на традиционный русский (см., например: Дронов, 2012). Это было не случайно. В России, как и в Западной Европе, в XIX в. формировалась буржуазная нация (а в силу многонациональности страны одновременно шло сложение сразу нескольких наций), и националистическая идеология стала модной и получила большое распространение. Самодержавие придало этой тенденции свои специфические черты.

Справедливости ради нужно сказать, что первые шаги к восстановлению официальной стилистики царской власти времен первых Романовых осуществлялись еще в царствование Николая I («тоновская» архитектура, сценарий коронавания и т. п.), что было охотно продолжено Александром II (например, разрешение дворянству отпускать бороды, хотя сам царь этого не делал). Но именно при Александре III произошел тот стилевый слом, когда официальная Россия стала сознательно и идеологически намеренно воспроизводить стиль и атрибутику допетровской России (русско-византийская архитектура достигла полного расцвета, а сам царь отказался от имиджа европейского аристократа и стал эксплуатировать «крестьянский стиль» своей внешней манифестации).

Одним из ярких свидетельств тому стала перемена в военной форме, которая всегда была «культурным маркером» официальной идеологии. По воспоминаниям графа А. А. Игнатьева, с воцарением Александра III многие офицеры русской армии подали прошение об отставке, поскольку не захотели одевать мундиры, подобные извозчичьему армяку (Игнатьев, 1986). Но таков был официальный стиль, заменивший прежний «европейский лоск» (впрочем, и в Европе в это время тоже носили бороды, но под «пейзанов» не стилизовались). В этих условиях вполне закономерным стало появление при дворе следующего российского самодержца Николая II крестьянина Григория Распутина, поскольку власть уже психологически и культурно была подготовлена к феномену «распутинщины».

Этот пример в своем роде очень показателен как демонстрация того, как «идеологический заказ» меняет всю *стилистику* национальной жизни, при этом фактически не касаясь ее организационной стороны. Реформы Петра Великого в большей мере перестроили именно социальную организацию русского общества и лишь в том числе касались бритья бород и введения европейского костюма. А поворот Александра III — это пример именно символической детерминации культурных изменений, которые трудно назвать прогрессом в силу общей консервативной установки действующей власти. Но в реформах Петра и этот символический аспект был по-своему прогрессивным.

Здесь уместно сделать еще одно наблюдение, согласно которому культурный прогресс не бывает отдельным от иных аспектов социальной жизни. Прогресс в материально-производственной и социально-организационной областях может предшествовать культурному прогрессу или протекать одновременно с ним, но феномен прогресса в принципе бывает лишь *комплексным*, охватывающим одновременно разные сферы социальной практики общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По какому признаку можно считать культурное развитие того или иного исторического периода прогрессивным? Я думаю, что прогрессивным является тот период, в котором произошло заметное усложнение культуры. Например, русская культура заметно усложнилась в ходе реформ Петра Великого и Александра II, в результате царствования Екатерины II (на мой взгляд, декабристы и Пушкин — это прямое следствие культурной политики Екатерины, хотя она не была последовательным реформатором). А вот усложнилась ли русская культура в результате культурной политики Александра III? Я полагаю, что нет. В последние десятилетия XIX в. русская культура фактически отделилась от государственного официоза, превратилась в культуру *российского общества*, а не государства, с чем и был связан ее расцвет Серебряного века в начале XX в., но ее заметного усложнения в этот исторический период не произошло.

Я думаю, что усложнение культуры как самодостаточной системы является универсальным признаком ее прогрессивного развития. По этому критерию современное состояние отечественной культуры никак не несет в себе черт прогрессивного развития. Наша культура сейчас «отдыхает». Я имею в виду не искусство (я не считаю себя компетентным специалистом по проблемам искусства), а состояние общественного сознания, которое в конечном счете и есть культура в ее наиболее полном выражении.

И еще стало ясным на опыте как мировой, так и отечественной истории то, что прогресс в культуре — это расширение ее *свободы* от диктата государства, господствующей идеологии и т. п. Впрочем, это касается не только культуры, но в той же мере и экономики, и социальной организации, и пр. Прогресс — это расширение свободы, в то время как изменчивость является продуктом воздействия иных факторов. Прогресс — это усложнение системы и расширение степеней ее свободы в любой сфере социальной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брикнер, А. Г. (2004) История Петра Великого. М. : ООО «АСТ». 668 с.
- Волков, Г. Н. (1976) Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М. : Политиздат. 335 с.
- Дронов, И. Е. (2012) Сильный, державный. Жизнь и царствование Императора Александра III. М. : Русский издательский центр. 752 с.
- Игнатъев, А. А. (1986) Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат. 752 с.
- Коротаев, А. В. (2003) Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М. : Восточная литература РАН. 278 с.
- Павленко, Н. И. (1975) Петр Первый. М. : Молодая гвардия. 384 с.
- Северцов, А. Н. (1939) Морфологические закономерности эволюции. М. ; Л. : Изд-во АН. 610 с.
- Соловьев, С. М. (1984) Публичные чтения о Петре Великом. М. : Наука. 232 с.
- Спенсер, Г. (1996) Основания социологии // Западно-европейская социология XIX в.: тексты. М. : Изд. Международного университета бизнеса и управления. 352 с. С. 279–332.
- Флиер, А. Я. (1995а) Структура и динамика культурогенетических процессов : дис. ... д-ра филос. наук. М. 279 с.
- Флиер, А. Я. (1995б) Культурогенез. М. : РИК. 128 с.
- Флиер, А. Я. (2008) Культурогенез // Флиер А. Я., Полетаева М. А. Тезаурус основных понятий культурологии. М. : МГУКИ. 284 с. С. 233–236.

Флиер, А. Я. (2017) Теория культуры: опыт генерализации [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 4. URL: <http://cult-cult.ru/the-theory-of-culture-a-new-generalization/> (дата обращения: 10.02.2018).

Флиер А. Я. (2018) Идеологическая функция культурной политики // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 57–64. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.5

Дата поступления: 12.12.2018 г.

PONDERING ON THE VARIABILITY
AND PROGRESS IN CULTURE

A. YA. FLIER

LIKHACHEV RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

The article analyzes the factors and forms of progress in culture in one or another connection with the type of activity and dominant ideology, its social and symbolic conditioning, and the degree of its innovativeness. The novelty of the article is that progress in culture has never been the subject of a special scientific research and has never been scientifically systematized. The relevance of the article is related to the ongoing scientific discussion about whether there can be any progress in culture and what it can lie in.

The article examines the features of cultural progress in comparison with the progress in material-industrial and social-organizational activity. It conducts a factor analysis of the role played by its direct social and symbolic conditionality in cultural progress, as well as its indirect social and symbolic conditionality. This problem is considered using historical examples of the reforms of Peter the Great, in which both social and symbolic conditionality was actively and visually present, as well as the “ideological turn” in the reign of Alexander III, in which there was purely symbolic determination that did not affect the foundations of the state organization.

The conclusion gives universal signs of cultural progress, consisting in complicating the culture as a system and in expanding the degrees of its freedom and independence from the state power and dominant ideology.

Keywords: culture; progress; activity; innovation; tradition; systemic complication; freedom; cultural progress

REFERENCES

- Brikner, A. G. (2004) *Istoriia Petra Velikogo*. Moscow, ООО «AST». 668 p. (In Russ.).
- Volkov, G. N. (1976) *Istoki i gorizonty progressa. Sotsiologicheskie problemy razvitiia nauki i tekhniki*. Moscow, Politizdat. 335 p. (In Russ.).
- Dronov, I. E. (2012) *Sil'nyi, derzhavnyi. Zhizn' i tsarstvovanie Imperatora Aleksandra III*. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr. 752 p. (In Russ.).
- Ignat'ev, A. A. (1986) *Piat' desiat let v stroiu*. Moscow, Voenizdat. 752 p. (In Russ.).
- Korotaev, A. V. (2003) *Sotsial'naiia evoliutsiia: faktory, zakonomernosti, tendentsii*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN. 278 p. (In Russ.).
- Pavlenko, N. I. (1975) *Petr Pervyi*. Moscow, Molodaia gvardiia. 384 p. (In Russ.).
- Severtsov, A. N. (1939) *Morfologicheskie zakonomernosti evoliutsii*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN. 610 p. (In Russ.).
- Solov'ev, S. M. (1984) *Publichnye chteniia o Petre Velikom*. Moscow, Nauka. 232 p. (In Russ.).
- Spenser, G. (1996) *Osnovaniia sotsiologii*. In: *Zapadno-evropeiskaia sotsiologiiia XIX v.: teksty*. Moscow, Izd. Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniia. 352 p. Pp. 279–332. (In Russ.).
- Flier, A. Ia. (1995a) *Struktura i dinamika kul'turogeneticheskikh protsessov* : Dis. ... Doctor of Philosophy. Moscow. 279 p. (In Russ.).
- Flier, A. Ia. (1995b) *Kul'turogenez*. Moscow, RIK. 128 p. (In Russ.).
- Flier, A. Ia. (2008) *Kul'turogenez*. In: Flier A. Ia. and Poletaeva M. A. *Tezaurus osnovnykh poniatii kul'turologii*. Moscow, MGUKI. 284 p. Pp. 233–236. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2017) Teoriia kul'tury: opyt generalizatsii. *Kul'tura kul'tury*, no. 4 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/the-theory-of-culture-a-new-generalization/> (access date: 10.2.2018). (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2018) Ideologicheskaia funktsiia kul'turnoi politiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 57–64. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.5 (In Russ.).

Submission date: 12.12.2018.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrey Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Postal address: 2, Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.12

Сложность культуры и сложность в культуре

П. В. ОПОЛЕВ

СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Человеческая история и культура демонстрируют возрастание разнообразных видов сложности. Вместе с тем представления о сложности культуры разработаны недостаточно. В рамках статьи произведена реконструкция представлений о сложности в известных моделях культуры (культура как организм, механизм, текст, дискурс, система).

Культурное многообразие вырастает из разнообразия культурных форм, раскрывающихся в историческом процессе. В рассмотренных концепциях культуры рефлексированы характерные особенности культурной сложности. Отмечается, что сложность культуры плохо поддается генерализирующим методам, носит относительный характер, что не мешает в рамках различных подходов выделять объективные и субъективные критерии сложности культуры.

Представления об универсальной сложности культуры не могут быть ценностно-нейтральными. В ряде проанализированных концепций, идея универсальной культуры рассматривается как форма этноцентризма, предполагающая, что сложность культуры может быть выявлена только по сравнению с эталоном — западноевропейской культурой. При этом сложные социокультурные практики, не имеющие аналога в европейской традиции, в контексте такого подхода будут рассматриваться как признак ее примитивности. В настоящее время сложность культуры получает свою интерпретацию в рамках системного подхода и концепций синергетического типа, что позволяет выделить коэволюционные стратегии, фиксирующие связь между природой, человеком и культурой.

Ключевые слова: культура; сложность культуры; концепция культуры; теория культуры; культурология; понятие культуры

ВВЕДЕНИЕ

Существующие концепции культуры демонстрируют разнообразие исторически сложившихся интерпретаций культуры. Исходные единицы анализа культуры варьируются в широких пределах: от образа культуры как органической или механистической целостности, культуры как ценностно-смысловой сферы, формы самореали-